

Вера Камша
Имя им легион

Стурнийские мозаики – 2

«Герои на все времена»: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-41799-5

Аннотация

В битве с Титанами люди сумели одержать победу. Но жизнь их не стала легче и спокойнее. Теперь приходится вести непрекращающиеся битвы с соседями-варварами, стремящимися захватить новые территории, рабов и добычу. В центре повествования оказывается небольшая приграничная крепость, Скадария, в которую приезжает молодой офицер.

Вера Камша

Имя им легион

(Стурнийские мозаики — 2)

Максиму Максимычу

*Мы несем едино бремя;
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой.*
Денис Давыдов

*Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...*
Михаил Лермонтов

Часть первая

Стурнийская империя
1102 год Счастливой Эры

Чахлые померанцевые деревца в огромных кадках по обе стороны входа в резиденцию прокуратора напоминали, что ты не на юге, где решается спор Роя и Грифа,¹ и не на севере, где границу прикрывает Октавианов вал и где тоже кипит жизнь, а в самом что ни на есть захолустье. Сухом. Пыльном. Скучном и неизбежном, если хочешь сделать военную карьеру. Сенаторы начинают писцами, военачальники — младшими командирами в забытых Временем крепостях на краю варварских степей. Выдержишь три года, и тебя отправят туда, где ты либо умрешь, либо пойдешь в гору, а пока закаляй волю и пиши стихи. Или читай те, что накорябали другие. Не хочешь творить — охоться, пей, таскайся к местным девкам — в свободное от гарнизонного ярма время. Другой дороги вверх в Стурне нет, разве что присосаться к кому-то из уже поднявшихся, но Тит принадлежал к дому Спентадов, а значит, должен был карабкаться на имперскую гору сам.

— Прокуратор ждет! — возвестил тучный домоправитель, слишком угодливый для свободнорожденного и слишком самодовольный для раба. Вольноотпущенный, надо полагать.

— Иду к прокуратору. — Воин входит с мечом даже в Сенат. Дважды этим пользовались убийцы, но убивать прокуратора Отрамы Тит не собирался. Убивать всех, кто неприятен, — это для варварских царьков.

— Кого я вижу! — Плотный бровастый человек с расprostертыми объятиями устремился навстречу гостю. Гость выдавил из себя улыбку и продолжал улыбаться, пока его плечи сжимали начальственные руки. От благородного² Нуммы пахло кожей, дымом и слегка — кипарисовой водой для бритья. Прокуратор честно выслужил свою должность, пройдя и юг, и север, и все же было, было в нынешнем хозяине Отрамы что-то от толстого вольноотпущенника. Эта нарочитая радость от приезда в его — *его* провинцию наследника Спентадов, эта торопливость, смешанная с ненавистной Титу фамильярностью...

— Я — младший трибун Тит Спентад, — четко доложил молодой человек. — Прибыл в распоряжение прокуратора Отрамы. Воля Сената.

— Спентады могут быть лишь в распоряжении Стурна! — усмехнулся рекомый прокуратор, и Тит вспомнил, что отец подозревал Нумму в доносе на старшего Фертара. Впрочем, заговор существовал на самом деле; на редкость глупый, к слову сказать.

— Прокуратор прав — мой дом служит Стурну и порфиноносному Агриппе, но сейчас я в распоряжении прокуратора. Готов отправиться в самую захолустную из крепостей под начало грубейшего из комендантов.

— Второе — к твоим услугам, первое — нет. — Нумма пригладил роскошные, с проседью кудри, и Тит не к месту вспомнил, что Спентады к сорока становятся лысыми как колено. Самому Титу, впрочем, было лишь двадцать четыре. — Я пошлю тебя в Скадарию. Тебе что-то говорит это название?

— Крепость. Защищает самый удобный из бродов через Перонт. Заложена сто десять лет назад, в начале нынешнего правления перестроена. Работы окончены в 893 году.

— Узнаю школу Тита Спентада-старшего. — Прокуратор гостеприимно кивнул на накрытый возле окна стол. — Скадария — хорошая крепость. Настолько, насколько

¹ Золотой Рой («Идакловы пчелы») и Улей — символы Стурнийской империи. Сжимающий молнии гриф — символ вечного ее соперника Велонской республики.

² Благородный — в Стурнийской империи титул, означающий принадлежность к одному из трехсот двадцати девяти семейств, ведущих свой род от легендарного вождя людей Идакла и его братьев.

восточная крепость вообще может быть хороша... Это вино тебе должно быть памятно. Не могу отказать себе в маленьких удовольствиях, разумеется, в счет жалования, тем паче больших удовольствий здесь не найдешь. Театры, карнавалы и бега остались в Стурне.

— Я знаю, — улыбнулся в ответ на намек Тит и отпил. Нумма был неприятен, но если хочешь усмирять врагов — начни с себя, а значит, к грифам неприязнь! — Я хотел бы услышать от прокуратора о коменданте.

— Я назначил его в Скадарию в конце весны. Приск груб и навязчив в той же степени, в какой предан и честен. Это не тот человек, с которым приятно обедать, но научить он может многому. Раньше он присматривал за Южным бродом. Засиделся. Император не любит, когда вояки пускают корни, и император трижды прав. Я не выявил в Южной ни недочетов, ни злоупотреблений и с чистой совестью отправил Приска в Скадарию, а его предшественника — в отставку. Ты так ничего и не сказал про вино.

— Оно выше любых похвал. — Тит не кривил душой, он в самом деле помнил и любил ниннейскую лозу. Любопытно, каким вином Нумма потчевал Фертара.

— Да, имей в виду, в Скадарии тебя ждут две неожиданности. Одной ты будешь доволен.

— Другой, видимо, нет?

— Трудно сказать, но твое появление эту... м-м-м... неожиданность не обрадует точно. Боишься захмелеть? Приск разбавляет вино водой.

— Это варварство, прокуратор.

— Совершенно верно, но Приск во многом — истинный варвар. Но хоть он и трезвенник, неразбавленное при нем можешь пить смело. Служака слишком плохо ладит с чернильницей, чтобы писать в Стурн, и слишком плохо ладит со мной, чтобы доносить лично, хотя...

Тит молчал, дожидаясь продолжения. Нумма пригубил вино и закончил:

— Хотя я не доношу Сенату о невинных шалостях тех, кто душой и телом предан императору. Да хранит его само Время!

* * *

Скадария встречала вернувшуюся конницу запахом луковой похлебки, вылизанным двором и довольными — убил бы! — рожами. Стараясь не хмуриться, Приск слез с покрытого степной пылью мерина и выслушал доклад. Столь же вылизанный, как и замощенный местным песчаником двор. Придаться было не к чему, хоть умри! Махнув добросовестному Сервию рукой, комендант залпом выпил услужливо поднесенную воду и, шагая через две ступеньки, поднялся на стену — думать. Он почти привык к Скадарии, но признать ее лучшей крепостью степного рубежа мешали девять отданных Южной лет.

Приск понимал, что недавний перевод — повышение, причем, скорее всего, последнее в его карьере; отдавал он должное и проныре-прокуратору, не взъевшемуся на настырного ветерана, но свежоштукатуренные стены и просторные казармы нет-нет, да и вызвали ревность. Крепость приводили в порядок без участия Приска, зато стремительный бросок за реку был уже на его счету. Все прошло безупречно! Можно садиться и кропать донесение о том, что жизнь и имущество граждан священного Стурна под надежной защитой, и испрашивать наградные. Дадут. Поглядят по шлему и дадут. За Нуммой не заржавеет — прокуратор превратит вылазку в великий поход и вытрясет из столичных чинуш корову для себя и курицу — для Скадарии, а большего от начальства не добьешься. Уж в этом-то Приск, оттрубивший под «пчелками» без малого тридцать лет, убеждался не раз. Небе ц ушастый, отличная крепость и сносный прокуратор — что еще нужно, чтобы дотянуть до отставки?

Комендант топнул ногой в тяжелом, подбитом гвоздями сапоге, шумно втянул воздух и для успокоения устался на молочную от глины реку. Надо радоваться, радоваться, а не беситься! Гарнизон не подкачал. Не прошло и получаса, как в крепостные ворота заколотил

взьерошенный племянник скототорговца, а Приск уже выводил своих всадников. След взяли сразу — скераты и не думали хитрить, а коровы еще не выучились порхать. Шесть часов погони, короткая схватка, медленное — со стадом не побегаешь — возвращение...

Ночью степняки попытались вырезать спящих «пахарей» и вернуть добычу, только «спящие» не спали. Разбойники угодили в ловушку и теперь отправятся в каменоломни, так что империя оказалась пусть и в невеликих, но барышах. Двое легкораненых и одна захромавшая лошадь — это даже не потери, только вот избегавшие даже приближаться к Перонту скераты не просто перешли его по низкой воде, но забрались на два дневных перехода от границы! И ведь докладывал же, что у Кривой косы нужен постоянный пост, куда там! Вот тебе, старый дурак, твоя крепость, вот тебе твой брод, вот тебе твой гарнизон, и не лезь, куда не просят! Он не полез — полезли лохмачи. Хорошо, наглецы охотились за скотом, а не за головами граждан хранимой Временем империи. Плохо, что Стурн переваливает на Время то, что следует делать самим, а в Скадарии втрое меньше солдат, чем нужно, чтобы повесить на границу хороший замок.

«Пока варвары пугают детей великим Октавианом, на востоке не случится ничего страшнее угнанных коров»... «Держать за Перонтом многочисленную кавалерию — излишняя роскошь»... «Лошади жрут даже больше городского сброда, а добывать золото из навоза в казначействе не умеют...» Тьфу, уроды столичные!

— Уроды! — от души рявкнул Приск и потер разнывшуюся к вечеру спину. Ветеран всегда успокаивался, поняв, где в сапоге гвоздь, а сейчас он как раз это понял. Скераты! Косматые мерзавцы держались нагло даже в сравнении с прошлой осенью. Они и раньше-то мало походили на с детства запуганных страшным соседским императором, а уж теперь!

Жаль, Октавиан уже восемнадцать лет как обосновался в семейной усыпальнице. Нынешний Агриппа воздвигает в честь отцовских побед арки и колонны, но кормить предпочитает не армию, а столичных бездельников. Можно подумать, мухи заменят пчел, а охочая до дармовщины шелупонь сумеет отбиться хотя б от лохмачей, не говоря о северных здоровилах и чующих падаль «грифах». Великий Стурн начинает смердеть, и что с того, что благородный Нумма сдохнет сенатором, а Приск выйдет в отставку, купит виноградник и доживет оставшиеся годы по-человечески? Что с того, что комендант Скадарии чует вонь, если в Сенате обнюхались померанцев?!

— Доклад коменданту.

— Ну?

— В распоряжение коменданта прибыл новый офицер. Ждет во дворе.

— Кто таков?

— Младший трибун Тит Спентад.

Небец ушастый, только второго «благородного» в Скадарии и не хватало!

II

Грубого коменданта пришлось дожидаться дольше, чем прокуратора. Гарнизонные штучки, о них Тит был наслышан. Провинция не любит столицу, а провинциалы не переносят столичных цац. Провинция, столица, благородные, сброд... Как вспомнишь, что смахнувшие с лица земли великие царства козопасы и коняги собирались владеть миром всей толпой и при этом друг друга любить! Теперь это даже не смешно... Спентад решительно подавил зевок и неторопливо зашагал вокруг двора. Он не собирался заискивать, но и начинать знакомство со свары не хотелось. Три года унижительной мелочной войны с одуревшими от безделья провинциалами стали бы еще тем удовольствием.

В том, что на него таращатся из всех щелей, младший трибун не сомневался, но вертеть головой, выискивая любопытных? Он не ворона, а комендант когда-нибудь да объявится. Отец ждал своего «приска» четверть часа, но с тех пор приграничники стали еще ранимее. Чем больше Сенат урезает армейские расходы, тем сильнее задираются в дальних гарнизонах, хотя Спентады уже лет шесть выступают против сокращений. Солдаты

предпочтительней горлопанов, которых надо не только кормить, но и забавлять...

— Кого я вижу! — Рев раздался за спиной, облетел вокруг двора, отразился от опрятно унылых стен и устремился к выцветшим небесам. — Чтоб я сдох, благородный Тит! В нашем стойле!..

— Медант! Ты?!

— А то нет?! — Обещанная прокуратором вороняя неожиданность залихватски подмигнула. — Значит, к нам?

— Значит, к вам. — Тит обнялся с кентавром, напрочь позабыв, что на них смотрят. Завсегдатай бегов, он не только не чурался конюшен и их обитателей, но и ездил сам. Пока император не запретил благородным участвовать в состязаниях, ибо сделанные плебеями ставки низводят знатнейших граждан до уровня полускотов. Никогда еще младший Спентад не был столь близок к государственной измене, но тут подвернулась капризница Фагния... Вернее, ее «подвернул» отец, и Тит немного остыл.

— Тут смешно, — обнадежил Медант. — Как там Стурн? Плещется?

— Что ему делается? Слушай, тебя-то как сюда занесло? Про возничего твоего слышал, так ему и надо, ублюдку!..

— А что ты слышал? — оживился кентавр, и прежде не чуждый тщеславия. — Представляю, что тебе наболтали...

Болтали и впрямь много, но Тит слишком рано поднялся в беговую повозку,³ чтобы верить ерунде. Все было просто и очевидно. Доставшийся Меданту возничий, считая, и не без оснований, «своего» кентавра существом строптивым и неблагонадежным, решил его поторопить, ткнув длинным острым стрекалом в человеческую часть спины. Не ожидавший такого коварства Медант потерял равновесие и сбился с рыси, лишившись тем самым победы. Что хуже всего, стрекало сломалось, и обломок застрял под кожей, причиняя кентавру сильную боль. Медант вскинулся на дыбы, опрокинул повозку, сломав оглобли, и от души врезал по обидчику обеими задними ногами.

Покойный, конечно, был дураком, но слава убийцы закрыла для Меданта путь на беговую арену. Нет, ему не запретили выступать, императорский попечитель даже признал его невиновным, но желающих связываться со столь опасным конягой среди заполонивших ипподром плебеев не находилось, и норы Меданта, и раньше непростой, испортился окончательно. Свой хлеб, то есть кашу, кентавр честно зарабатывал ковкой — о, в этом ему не было равных! — в остальное же время пил как лошадь, затевал драки с себе подобными и приставал к хвостатым девчонкам, а потом исчез. Завсегдатаи бегов решили, что бесполезного задиру кто-то наконец прикончил и с попустительства попечителя замел следы. А Медант, выходит, подался на границу. Лучший беговой кентавр стал простецким армейским конягой! В Стурне это наделает шуму. Наделало бы... Тит залихватски махнул рукой:

— Сплетни я на трезвую голову не пересказываю, давай после... Явится же когда-нибудь этот комендант.

— Не «когда-нибудь», а сейчас!

Медант легонько — устоять на ногах удалось почти без усилий — хлопнул бывшего возничего по плечу, в несколько прыжков преодолел двор и грохнул коваными передними копытами в сигнальный гонг. Тит не выдержал и расхохотался — служба в Скадарии

³ Беговой повозкой управляют следующим образом: первая пара широких вожжей, служащая для поддержки возничего, крепится за массивные кольца, ввинченные в седелку. Седелка подпругой фиксируется на спине кентавра, а боковыми ремнями прикручивается к оглоблям экипажа. Концы оглобель приблизительно на локоть выступают впереди корпуса кентавра и оканчиваются вертикальными «рычажками», дабы кентавр мог опираться на них руками для улучшения баланса (бежать быстрой рысью, не сбиваясь на галоп, нелегко). Вторая пара вожжей, идущая от рук возничего через седельные кольца, крепится к ремennому кольцу за руку кентавра чуть повыше локтевого сгиба. Через эти вожжи возничий может подавать кентавру сигналы (вправо — влево, потише — порезвее, остановиться). Пользоваться бичом не только бессмысленно, но и опасно. Тем не менее некоторые возничие иногда хлещут своих «партнеров», особенно достается молодежи и «кобылам».

начиналась, мягко говоря, своеобразно.

* * *

Молодчик трепался с Медантом, словно знал конягу сто лет, высыпавшие во двор солдаты весело переглядывались, а растерянный сигнальщик переминался с ноги на ногу, глядя то на свои колотушки, то на дверь, из которой, по его мнению, должно было появиться начальство. Приск подавил невольную усмешку: Медант был незаменим за Перонтом, но от его выходок за тысячу шагов несло столичной дурью. Впрочем, коняга хотя бы не гадил где попало, как его предшественник. Комендант без особой спешки раздвинул утративших бдительность балбесов и резко спросил:

— Что это значит?

— Что вам в бошки набилась солома! — отрезал Медант. — Кого ждать заставили? Хорошего человека, ездока!.. Скоро меня с мулом спутаете. Провинция...

— Доклад коменданту. — Спентад не собирался прятаться за кентавра. — Младший трибун Тит. Определен в Скадарию прокуратором Нуммой. Военного опыта не имею. Владею мечом, копьем и пращей. Езжу верхом.

— Врежет, мало не покажется, — Медант был откровенно доволен, — хоть мечом, хоть чем. Было у нас на бегах дельце...

— Имею некоторый опыт уличных схваток, — спокойно уточнил новичок. Эх, не уродился б он Спентадом...

— Тит, значит? Отцовское имя забыл?

— Мой отец остался в Стурне. Я увижу его через три года.

— Хочешь сказать, что явился не за подорожной к «грифам»?

— Я ее получу через три года.

— Получишь, потому что ты — благородный. Получишь и уберешься, а вот он, — Приск кивком указал на Сервия, — будет вялиться здесь. Вы прыгаете, мы тянем, и нечего чистить драные сапоги!

— Комендант прав, — Спентад все еще был само спокойствие, — драные сапоги надо выкидывать. Я знаю, какое место займу, если меня не убьют на юге или на севере. Вы уже уйдете в отставку, но комендант Скадари, новый комендант, вряд ли обрадуется, если у него отберут даже ту кавалерию, что есть у вас. Он сможет только жаловаться и браниться, а я буду спорить. С Сенатом и императором, но для этого мне нужно забраться наверх. Ваш помощник этого не может, я — могу.

— Он залезет! — подтвердил Медант, хотя его никто не спрашивал.

Приск сощурился, он не собирался сдаваться.

— Ты пока не в Сенате, — отрезал комендант, — а в моей крепости. Посмотрим, что ты за птица... Кукарекать один тут уже кукарекает, а ты полетай!

Часть вторая

I

1104 год Счастливой Эры

Приск любил те короткие недели, в которые глаз отдыхает и от зимней серятины, и от летней сухой желтизны, только в нынешнем году было не до цветочков. Долгожданная весна принесла те самые пакости, что ветеран пророчил начальству и подчиненным уже лет пятнадцать.

Первыми вестниками грядущих бед стали промышлявшие за Перонтом торговцы. С их слов получалось, что у скератов сменились вожди, и не просто сменились, а с большой кровью. Празднества, которыми лохмачи отмечают весенний солнцеворот, завершились резней, и теперь по приграничным становищам бродили слухи один гаже другого. Напуганные этими слухами купцы не рисковали забираться далеко в степь, так что толку от их рассказов было мало.

Не на шутку встревожившийся Приск отрядил за реку три десятка разведчиков. Соседство есть соседство — у стурнийцев за Перонтом водились и знакомцы, и торговые партнеры, и даже друзья. Ну, или почти друзья... От них комендант и надеялся получить объяснения. Надежды оправдались в полной мере, только веселей от этого не стало — новости отчетливо отдавали войной.

Купцы не врали — встреча Весны в самом деле обернулась бойней. Семь племен из тех, что кочуют вдоль стурнийской границы, как водится, стянулись к священным курганам. Туда же явились трое почетных гостей из «дальних», каждый с изрядным отрядом. Неделя скачек, состязаний, молитв с жертвоприношениями — и всеобщая пьянка, завершившаяся убийством большинства родовых старейшин и пяти вождей из семи.

Весенние драки между перепившимися степняками были делом привычным, но здесь по всему выходило, что резня — не случайность. Ее готовили загодя, и оба уцелевших явно участвовали в заговоре. Да и гости, хоть и не ввязались в это безобразие сами, новых вождей немедленно поддерживали. Все это наводило на нехорошие мысли. Настолько нехорошие, что Приск решился на то, чего никогда раньше не делал и делать не желал. Запечатав должным образом составленное донесение, комендант тщательнейшим образом занес на покрытую воском дощечку то, что требовалось внушить начальству, и послал солдата за прокураторским дружком.

Спентад, надо отдать ему должное, нашелся сразу — гонял во дворе своих пехотинцев. От службы парень не отлынивал, нос особо не задирал, а цапался все больше со своим же, столичным... Вот уж кого Приск мечтал сплавить если не лохмачам, то хотя бы в другую крепость. Увы, Аппия Фертара приписали к Скадарии пожизненно и, небез сожри сенаторские штучки, в офицерском чине.

— Младший трибун Тит. Приказ коменданта.

— Садись. — Будь вина Тита лишь в рождении на берегах отца-Стурна, комендант простил бы паршивца еще прошлой зимой, но сенаторское отродье... Это для Приска было слишком. И именно это давало шанс пробить медный начальственный лоб. Ветеран отодвинул табличку-подсказку так, чтобы привыкшие к заречным далям глаза разбирали буковки. — Тут вот какое дело...

Объяснять пришлось долго — от выходящих за пределы обязанностей младшего трибуна дел комендант отпихивал умника самолично. Как оказалось, себе же во вред. Горло пересохло, Приск хлебнул водицы и поднял взгляд от исписанного воска. Сенаторский сынок сосредоточенно хмурил брови, думал, надо полагать.

— Говори, — разрешил ветеран и закашлялся.

— Говорю. Комендант подтвердил возникшие у меня опасения. Медант много знает о скератах. Кроме того, я расспрашивал торговцев и сравнивал с тем, о чем читал. Степной молодец всегда был горяч и жаден до грабежа, но теперь он еще и уверен в себе. Урок, преподанный Октавианом, их больше не пугает — это было давно и не с ними. Новым царькам надо укреплять свою власть. Думаю, они сделают это привычным способом — поведут своих головорезов на наши земли.

Да, башка кое у кого на месте, чего доброго, в самом деле в прокураторы выбьется! В солдатские прокураторы, не в сенатские, но пока что в Отраме жирует Нумма, а за Перонтом набивают колчаны семь племен, а то и все десять!.. Если орава двинется разом, прокуратор запросит помощи, и помощь будет, при такой-то напасти как не прислать, только ее еще надо дожидаться. И потом, легионы не лютики, сами не вырастут. Появятся у Перонта, значит — откуда-то уйдут...

— Надежды на то, что новоявленные царьки передерутся, немного, — напомнил о себе Спентад. Он думал о чем-то похожем.

— «Немного»! — передразнил Приск. — Небец ушастый, да нет никакой надежды! Слишком дружно ублюдки провернули свое дельце, видать, всю зиму готовились, должны были сговориться и о том, что дальше делать. Да еще эти их родичи... Ох, не зря они заявили! Воняет нынче степь, и воняет «грифами». Только вонь в мешок не сунешь и прокуратору не доставишь...

— Я доставлю, — не дожидаясь то ли просьбы, то ли приказа, произнес Тит. Парень все понял, и понял, залягай его коняга, правильно! — Доставлю, и Нумма отправит ее дальше. Императору и Сенату. Сколько у меня времени?

* * *

Лишь Время Всемогушее знало, сколько оно отпустило Приску, но комендант мог гордиться — впустую не пропало ни единого часа. Въехав на показавшийся родным крепостной двор, Тит понял: все, что можно сделать, сделано, а уж чего нельзя... Хотелось бы, конечно, поднять стены хотя бы на длину копья, да чтоб запас смолы стал раза в три побольше... И метательных машин бы еще, и вторую когорту в казармы — как раз разместилась бы. Увы, это было за пределами возможностей паршивого коменданта ненужной крепости. Тут уж чем Сенат с императором обеспечили, с тем и воюй.

Приск и готовился воевать, и не он один: вести поступали со всей границы, и были они хуже не придумаешь, так что уговаривать Нумму не пришлось. Прокуратор головы под крыло не прятал, к угрозе относился всерьез, но прокураторским беспокойством дыры не заткнешь. По крайней мере, сразу.

— Нумма обеспокоен. — Тит не выдержал, злобненько усмехнулся. — Нумма *крайне* обеспокоен. Войска провинции спешно стягиваются, ну или должны стягиваться, к Отраме. Приграничным гарнизонам именем императора велено стоять до последнего, сдерживая продвижение варваров, а помощь будет. Это прокуратор обещал твердо.

Прокуратор не просто обещал, он клялся, призывая в свидетели собственного отца, отца Тита, порфириносного Агриппу и само Время со чада и домочадцы, вздыхал, сетовал и уговаривал, уговаривал, уговаривал остаться при своей особе. Не навсегда, а лишь пока не сползутся «черепахи»,⁴ после чего взгромоздиться на самую белую и отправиться... нет, не выручать своих — очищать Отраму.

В последнем Нумма был прав: кочевникам нужны не взятые крепости, а добыча. Они не задержатся на границе, а рванут в глубь провинции, откуда их и придется гнать, а гарнизоны — это уж когда руки дойдут или дальние легионы подтянутся. Нумма опускал глаза и отводил на подтягивание месяц. В лучшем случае, а в худшем... В худшем спасители провозятся до середины лета и успеют разве что всплакнуть на погребальных курганах, в которые превратятся «столь дорого обходящиеся империи крепости».

— Прокуратор не знает, когда подойдут подкрепления, — уточнил Тит, — но он не пытается врать. Это хороший признак — о нас не «забудут».

Приск махнул рукой, и Тит ушел, так и не сказав, что его удерживали в Отраме. Может, удивись комендант возвращению столичного молодчика, молодчик бы и не выдержал, но ветеран лишь выразил удовлетворение скоростью, с которой пришел ответ. Поташивший едва отдышавшегося приятеля в степь Медант выразил кое-что другое и выражал долго. Тит слушал вполуха, привычно вынуждая коня на полкорпуса опережать бушующего кентавра. Если б не сухой ветер и не тень «грифа» над утратившей былую прыть империей, можно было вообразить себя дома на прогулке.

⁴ Черепахами в стурнийской армии называют легионы.

Сколько раз наследник Спентадов и кентавр, обсуждая ставки и забеги, перемывали кости двуногим и четвероногим! Медант тогда любил выпить и подраться, возникших считал за дерьмо, но бегал хорошо. Если зачесется правая задняя нога... А чесалась она постоянно, так как созерцать впереди себя чужой хвост строптивец не мог. Себя столичного Тит помнил хуже, то есть не помнил, а понимал. Неужели это он орал, что императора за запрет на участие в бегах надо гнать? А что делать с императором, повернувшимся спиной к отравившей когти степи? С императором, строящим цирки и триумфальные арки за счет роспуска легионов?

— Медант, — зачем-то окликнул Тит, — что нам делать? Что нам теперь делать?

Кентавр остановился, и человек натянул поводья. Он не ждал никаких откровений. Вопрос был глупым и беспомощным, а ответ единственным — драться. Там, где застигла беда, и пока хватает сил. Границы Стурна священные, но это — для Сената, а на деле, если что и вправду свято, так это жизни дурней, которых угораздило поселиться вблизи беды, и твое слово — защитить их. То есть не только твое, много ты один назащищаешь...

— Что делать, говоришь? — Лапища Меданта растрепала лошадиную гриву, и не терпевший кентавров жеребец прижал уши. — Почему бы нам вечером не выпить и не пристукнуть Фертара? Некоторые па сти перед войной лучше заткнуть, а завтра... Ты как хочешь, а я пробегусь за реку, разъезды разъездами, а самому глянуть не помешает.

II

Война стала явью утром. Славным весенним утром, когда по небу бегут розовые облака, пахнет расцветающими травами и ты не ждешь, не можешь ждать ничего дурного. Никто и не ждал, пока из зеленого, сбрызнутого маковой кровью моря не вынырнула темная фигура и неповторимой, знакомой всем завсегдатаям бегов рысью полетела к броду.

— Скераты идут! — крикнул Тит стоявшему парой ступеней ниже Сервию, не дожидаясь, когда вороная буря ворвется во двор.

— Идут... — подтвердил спустя четверть часа Медант, поводя блестящими от пота боками. — К нам — тысяча семь, не меньше. Остальные — кто куда, но все больше вниз по течению. «Наши» к вечеру будут здесь, а их дозоры — и того раньше...

— Значит, — припомнил Тит пророчества Нуммы, — будут переходить Перонт вплавь и в разных местах.

— Часть отправится грабить, часть останется брать крепость. — Первый помощник коменданта говорил о скератах, как о паводке, озабоченно, но не больше. — Броды и переправы им нужны позарез. Вozy с добычей и рабов иначе не уведешь.

— Да, без добычи набег и потери станут бессмысленными. — Тит очень надеялся, что его голос столь же будничен, как у Сервия. — Что ж, если отправлять гонца в Отраму, надо поторопиться.

Он не собирался советовать подросшему коменданту, просто так вышло, но Приск то ли не расслышал, то ли...

— Поедешь?

— Нет. — Спентад уверенно выдержал цепкий взгляд. — Я сказал прокуратору все. Мне нечего добавить.

— И мне нечего. — Комендант потер лоб и вдруг усмехнулся. — Разве что передать: если Скадарию кончат, я, дохлый, не к лохмачам заявлюсь и не к Нумме, а повыше. Чтоб других так же...

Каких «других», Приск не уточнил. То ли слов не нашел то ли, наоборот, счел, что сказал все. Тит с молчаливого согласия начальства торопливо набросал короткое донесение. Время, место, примерное число идущих варваров, напоминание о том, что Скадария располагает едва ли половиной требуемых для обороны солдат, — и все. Гарнизон не клялся в верности императору и Сенату и не обещал достойных Октавиана побед. Впрочем, не спешил и с завещаниями: крепость могла выстоять, а помощь — успеть.

— Медант, — теперь Приск смотрел на кентавра, — ты Мезия встретил?
— Ночью разбежались. Мезий лохмачей на самом хвосте притащит. Часа через два.
— Как бы не зарвался, — высказал Сервий то, о чем Тит из суеверия промолчал.
— Не зарвется! — отрезал Приск. Бойтся накликать или просто верит десятнику? — Медант, ты как? С ног не валишься?
— С этакой прогулочки?! Да я даже не разогрелся, Тит, скажи ему, как...
— Отлично. — Слушать о Медантовых беговых триумфах Приск не собирался. — На стенах тебе делать нечего, во дворе — тем более. Доставишь в Отраму донесение и будь здоров. Назад лезть не вздумай — лишние копыта мне тут не нужны, а Стурну и тебе, глядишь, пригодятся.
— А то! — Кентавр быстро глянул на передние ноги. Он всегда так делал, собираясь бежать. — Еще встретимся. Не тут, так там, где нет Времени...

* * *

В степи видно далеко, особенно с холма или башни. Какое-то время Тит, стоя меж зубцов, следил за гонцом, мчавшимся пустой — ни купцов, ни крестьян — дорогой; потом ставший точкой кентавр растворился в солнечном блеске, а человек прошел по стенам в сторону реки и стал ждать.

Медант не ошибся: когда через брод промчался стурнийский разъезд, полдень еще не наступил. Варвары отстали ненамного. Чуть более сотни всадников на разномастных невысоких лошадях остановились на дальнем берегу. Полюбовались оседлавшей приречный холм крепостью и опустевшим поселком, погалдели и двинулись берегом в обе стороны, вверх и вниз по течению. Против Скадарии осталось десятка три, эти вели себя тихо: постояли чуток на пригорке, потом развернулись и неспешной рысью убралась.

— Именно так смотрели титаны со стен Нинней, когда к ним подступали полчища Идакла. И точно так же...

Аппий Фертар! Явился... Порой Тит сыну заговорщика сочувствовал. Как столичная цаца столичной цаце и как будущий прокуратор безвредному болтуну, но сегодня Фертар откровенно бесил. Всем: напористым голосом поэта, запахом померанцевой воды, двумя родинками, кольцом с дурацкой загогулиной, которую величал Небесной спиралью... Даже заговори поэт о погоде, и то Титу захотелось бы его придушить, но Фертар, пользуясь случаем, излагал свое, то есть отцовское, мнение о том, как обустроить все. Не обошлось и без пророчеств грядущих бедствий и обвинений в оных ненавистного Идакла со всеми его отродьями, к которым до недавнего времени относили себя и Фертары. Пока с «грифьей» помощью не решили, что быть «благородными» не так вкусно, как потомками бессмертных. Единственными. Над ними ржал весь Стурн, а они не только завели фавнов, но и готовили заговор, не соображая, что это...

— ...безнадежно и преступно. Мы видим начало конца, и ваше счастье, счастье нерассуждающих вьючных ослов, что вы издохнете раньше изжившей себя империи. Будь у вашего Сената хоть капля разума, вы бы оставили степи тем, кому они были дарованы Небом...

— Будь у нашего Сената хоть капля разума, тебя бы приписали не к гарнизону, а к лупанару! — Влезать в спор с сосланным придурком было не ко времени, а бить офицера — любого! — на глазах солдат нельзя, как бы ни хотелось. Спентад сжал чесавшиеся кулаки и отправился проверять своих людей.

Время, только что несшееся горным потоком, тянулось застывающей смолой. Спентад спускался во двор, вновь поднимался на стены, шутил с солдатами, переговаривался с офицерами, даже что-то съел. Очередной раз столкнулся с Приском, пошел рядом. Комендант не возражал. В парадном, заколотом фибулой-Ульем плаще и шлеме с гребнем конского волоса ветеран казался ходячей мозаикой со столь любимых императором

триумфальных ворот, только в честь Скадарии еще ничего не воздвигли.

— Что смеешься? — После появления скератов, а вернее, после отказа Тита уехать комендант словно бы выплюнул проглоченное копьё.

— Представил, как в нашу честь строят триумфальную арку, — признался Тит. — С мозаиками.

— Лучше пусть крепость отстроят, — не понял шутки Приск, — и надо б еще одну... На левой излучине или у Кривой косы. Станешь прокуратором, не забудь.

— Приказ коменданта.

Все-таки Приск улыбнулся. И занялся делами, словно за Перонтом собирались на свою ярмарку торговцы скотом. Время ползло, степь по-прежнему была пустынна и по-весеннему красива, только взгляд этой красоты больше не замечал. Глянешь со стены: «Нет еще», и снова о своем — так, часовые на местах, ворота — на запоре, укрывшихся в крепости местных из тех, что не захотели убраться, разместили и пристроили к делу. Бегаешь, проверяешь, а на дворе и за стенами — тишина и покой. Странное чувство. Похоже на последние минуты перед бегам, только более остро и невыносимо долго.

...Медант и второй раз угадал: солнце еще не коснулось своим краем земли, как равнина зашевелилась. Сразу с нескольких направлений к Перонту потянулись плетенные из людей и коней цепочки, они на глазах толстели, превращаясь в длинные неровные колонны, а впереди катился нарастающий неприятный шум. Вот первая тысяча достигла реки, вот первые лошади взбаламутили воду. Визгливые крики, перебранка сигнальных рожков, ржание... Тишина ушла, и вместе с ней — травившее душу ожидание. Все стало просто и... светло, что ли.

Свершилось. Вот он, враг. Явился. Теперь будем драться и, если не повезет, умирать. Дело, как ни смешно, обычное... Важное, главное для тебя, для тех, кто с тобой, но обычное.

— Дело вообще-то обычное, — вслух произнес Тит, проливавший кровь разве что на охоте, ну и пару раз в драках с грабителями. Приск согласно кивнул и поправил надраенный до звездного блеска шлем.

Часть третья

I

...Безносый скерат оказался совсем легкой добычей: неуклюжий замах, корявая палица еще не начала опускаться, а меч Тита уже вонзался дикарю в живот. Больше впереди живых врагов не было, и младший трибун поспешил обернуться. Как раз вовремя — прикрывавший командирю спину десятник в запале боя сделал глупость: отшагнул к краю стены как раз между зубцами и тотчас поймал в правое плечо стрелу — степные лучники только и ждали такой удачи. Тяжелый ланг⁵ вывалился из раненой руки, пара наседавших на ветерана лохмачей тут же кинулась добивать. Топор первого десятник успел принять на щит, а второй точно бы выпустил бедняге кишки, но тут уж вмешался Спентад. Лохмач с разрубленной башкой полетел во внутренний двор. Приятель покойного боя не принял. Вонючке повезло: совсем рядом вгрызались в камень осадные крючья. Бросив осевшего на камни стурнийца, степняк крысой метнулся к спасительной веревке и, вцепившись в нее, скользнул вниз. Кожу на ладонях стесал, но голову, похоже, спас.

Не утерпев, Тит прикрылся щитом и глянул меж зубцов. Скераты отходили — уцелевшие, те, кто успел спуститься или не успел подняться, торопливо откатывались от недобрых рыже-серых стен. Доставлявшие чуть ли не больше всех хлопот лучники убились вместе со всеми. Следом за здоровыми ползли или ковыляли раненые. Скадария

⁵ Длинный однолезвийный меч.

снова отбилась.

Напряжение боя ушло, уступая место боли. Только что исправно служившее тело заныло и зажаловалось сразу в нескольких местах: правое плечо и бок, левая рука, голень, по которой успел пнуть тот, с желтой лентой в бороде... Голова тоже гудела, пусть не сильно, но надоедливо, хотя кто и когда успел приложить его по шлему, Тит не помнил — желающих было хоть отбавляй.

Где-то слева хлопнула тетива. Хромавший за своими скерат выпустил копье, на которое опирался, и покатился вниз по склону. Со стрелой под лопаткой. Больше со стен не били — запас стрел и так уменьшался слишком быстро, изводить его на покалеченных врагов было глупо, чтобы не сказать больше. Подранки — не угроза для осажденных, а обуза для осаждающих, в крепости же хватает своих дел, невеселых, но необходимых.

Тит вытер меч об овчину на спине ближайшего трупа, осмотрел клинок и вложил в ножны, а на стену уже взбирались определенные Приском разбирать раненых и мертвых поселяне. Своих раненых — в барак к паре измотанных лекарей, убитых — в отведенный для могил угол за конюшнями; ну а степнякам одна дорога — на надречную стену и вниз, под обрыв. Спентад посторонился, пропуская носильщиков, и принялся растирать занемевший локоть. Рухнуть бы прямо тут, на грязные камни, да какое там! Второй помощник коменданта — как же быстро настигают должности на войне! — должен обойти свою стену, выслушать доклады, понять их, как бы ни звенело в этой треклятой башке, и доложить «самому». И чем быстрее это сделать, тем лучше, значит, нужно идти. Три сотни шагов и две лестницы... Время Всемогущее, как же это много!

* * *

Этот штурм обошелся куда дороже предыдущих. В первый раз скераты лишь пробовали Скадарию на зуб, проверяя, не струсят ли защитники от одного воя и визга. Не трусили, а несколько десятков удалцов, среди бела дня вздумавших забраться в крепость с помощью арканов, удалось положить полностью и без серьезных потерь.

Лохмачи подумали и решили проверить, не спят ли стурнийцы по ночам беспробудно, как сурки; дождались темноты и полезли на стену по обрыву, со стороны реки. Выдрессированные часовые не подвели — короткая схватка, и ублюдки отправились напрямик к своим рогатым божкам. Вот тогда-то скераты и взялись за дело как следует. Два дня готовились, на третий вооружились лестницами и веревками с крючьями и поперли. Приступ отбили, а за конюшнями у западной стены появились первые могилы. Первые, но не последние. Большинство погибало от стрел, которыми привычные к луку степняки осыпали любого хоть на миг высунувшегося из-под прикрытия стен. Зато в рукопашных схватках наверху преимущество оставалось за стурнийцами. Второй штурм, третий, четвертый... Сегодня нападавшие были особенно настырны. Трижды вожаки гнали толпу на стены, и трижды она убиралась ни с чем, хотя какое там «ни с чем»! Гарнизон таял, как весенний лед.

— Восточная стена, — отрывисто доложил измотанный Спентад. — Семнадцать убито, сорок два ранено, из них серьезно — десятка три. Остальные будут завтра драться.

Приск только сплюнул с досады: из двух державших восточную стену сотен в строю осталось едва ли две трети, а судя по физиономии явившегося с северной стены Сервия, там вряд ли веселее.

— Младший трибун Руфин поймал стрелу в горло, — подтвердил тот худшие опасения. — И еще полтора десятка полегло...

Хвала Времени и тому, кто выбирал место для крепости. Две стены из четырех идут краем обрыва, и кочевники лезут только с востока и севера, но пара таких дней, и будет не закрыть и этого...

— Возьмешь Фертара, — велел помощнику Приск. — Не Руфин, но...

— Приказ коменданта. — Пятнистая от копоти физиономия сморщилась, словно от

кислятины. — Но Скадария отвечает за жизнь Аппия Фертара перед императором и Сенатом.

— Ну уж нет! — гроыхнул Приск. — Скадария отвечает за брод! За брод, а не за столичн... Не за всяких придурков! Мне прислали офицера, а офицеру место на стенах. Пристрелят, и небец с ним. Туда и дорога.

Больше Сервий не возражал.

* * *

Поселяне очистили стену от трупов, а солдаты подтащили к камнеметам новый запас булыжников. Отстоявший над душой у подчиненных положенное Тит счел, что честно заслужил ужин и сон, но намерения смертных лишь веселят дочерей Времени. Не успел младший трибун ополоснуть руки и лицо, как от лагеря скератов донесся надсадный вой. Сигнальный рог выводил нечто особенно заунывное, словно ему тоже намяли бока. Тит с тоской глянул в сторону кашеваров и потянулся к снятому было нагруднику, но лучше знавшие степь ветераны закачали головами: ха, поговорить решили.

Может, и так, но отдых все равно откладывался. Спентад накинуд плащ и под повторный вой поплелся к коменданту. Тот подтвердил: да, таким образом скераты сообщают о мирных намерениях. Тит тоскливо выругался. Словно в ответ, вновь загнусавил чужой рог, пришлось возвращаться на стену. Они поднялись как раз вовремя, чтобы увидеть, как от скопища шатров отъезжает десятка полтора всадников.

— Вчера и сегодня лохмачи потеряли много людей. — Приск смотрел не на приближающуюся кавалькаду, а на разрезающих небо стрижей. Словно считал. — Гибель воинов — ослабление племени. Вождь мог додуматься до того, что класть своих и дальше ему невыгодно.

Стрижи летали, комендант молчал. Похоже, ждал ответа, и Тит ответил:

— По всей вероятности, они предложат нам...

— Либо сдаться им на, тьфу... милость, — а вот Сервий глядел на всадников и только на всадников, — либо, если мы упрямся, отдать им Скадарию. В обмен на жизнь и свободу.

— Которые они тут же постараются забрать, — буркнул Приск. — Весны своей не побоялись, дедов на празднике перерезали, а уж «пахарей»...

— Это да... Нас одурачить им как конопли накуриться.

Скераты остановились на расстоянии двойного перестрела и опять протрубили. Комендант велел ответить обычным «Мир и покой», степняки поняли. Некто на мышастой лошади выехал вперед и затряс копьем со светлым конским хвостом и красными лентами. Затем последовал вопль на стурнийском, корявом, но вполне понятном: отважный вождь, имени коего Тит не разобрал, желал говорить с главарем пахарей. Проорав что положено, посол шустро развернул своего мышастика и галопом помчался назад. Приск с минуту подумал:

— Я к нему не выйду, — решил он. — Глупо. Скадария на мне, а совести у этой образины — что пяток у Меданта. Но ответить надо... Сервий, пойдешь ты, как второй по рангу. Выслушай. Получится тянуть время, тyani, нам каждый день на вес золота; ну а если ответ нужен немедленно — сам понимаешь... Мы не сдадимся и не уйдем, пусть не надеются.

— Приказ коменданта, — подтвердил Сервий и принялся расправлять смятую тунику, Тит поморщился и в сотый раз повел плечами. Избитое тело продолжало болеть, а желудок требовал хоть чего-то, но дух возобладал над плотью, или не дух, а спевшаяся с гордыней совесть. Спентад вскинул руку.

— Слово для коменданта. Трибун Сервий опытен. Он может заменить выбывшего коменданта, я — нет. Зато на переговорах я могу заменить трибуна. Сказать «нет» легко.

— Так! — Приск свел брови, Сервий потер плечо точно так же, как сам Тит минутой раньше, и младшему трибуну стало почти смешно. — Так... Для Скадарии лучше всего

отправить Фертара, но лохмачи стихов не оценят. С варварами и убийцами надо говорить по-варварски и с мечом в руке. Хорошо... прокуратор, пойдешь ты.

* * *

От облитой лучами низкого солнца группы отделилось двое всадников. Проскакали с полсотни шагов, красиво вздыбили лошадей, спешили и, сверкая нашитыми на куртки бляхами, направились к крепости. Выезженные кони шли за хозяевами, словно их вели в поводу. Колчаны, луки и щиты смирно висели у седел — вождь и его спутник оставили при себе лишь сабли да ножи.

— Видать, приспичило, — решил Сервий. — На стены лезть — не коров воровать.

— Да, — согласился Приск, — умирать никто не хочет: ни мы, ни они. Мезий, пойдешь с младшим трибуном. По двое так по двое.

Скераты не спешили и на лошадей не оглядывались. Надевший под не очищенный от крови панцирь свежую тунику Тит гадал, где степняки остановятся, а те все шли. Осталась позади похожая на змею трещина, затем — доцветающий кустик. Два белых камня, еще один куст... Все. Встали.

— Разумно. — Нужно было что-то сказать, вот Тит и сказал: — Там их со стен не достать.

— Будут хвататься за сабли — врут и испытывают, — тихо напомнил Приск, — схватятся за поводья, бей не дожидаясь... Спешенный степняк — треть степняка.

— Я знаю.

А теперь вниз по веревке. Вслед за изукрашенным шрамами Мезием. Уставшие руки с

неохотой перебирают узлы, но не открывать же ворота. Слезли. Сапоги утонули в еще свежей траве, даже цветок попался. Желтый и маленький, а ведь цветет...

— Я иду первым, — заявляет кавалерист. Тит не спорит, степь Мезий пока знает лучше, хотя угадать, как пойдет разговор, столичный умник, пожалуй, возьмется. Скераты не «грифы», они еще не вкусили сладости политики — сладости игры змей со змеями, у них все просто и грубо, хотя это же у нас Приск груб... Зато Аппий Фертар — сама утонченность! Нужна она здесь, в захолустье, как Меданту рыбий хвост.

Ржет лошадь, обычная, с обычным хвостом. Ее хозяин свел брови и задрал подбородок. Не сто ит принимать гордую позу перед теми, кто выше ростом, ох не сто ит! Кожа, бляшки, ленты, косицы, борода. Сколько лишнего... Лишнее на варварах, лишнее — на сенаторах, и только солдаты таскают на себе то, что нужно, и ни перышком больше.

— Ты не вождь пахарей, — объявляет на стурнийском загорелый варвар. Если он и старше Тита, то на пару лет, не больше.

— Наш вождь там, где ему следует быть, но он услышит твое слово.

— Ваш вождь труслив, как трусливы старики. Вы глупы, ходя за ним. Зачем? Вас мало и каждый день бывает меньше. Пока все не умирали — уходите.

— Чтобы нас перестреляли в поле? — пожал плечами Тит. — Мы не дети, чтоб верить сказкам.

— Я не хочу обманывать. — Вождь смотрит прямо. Красная лента в бороде напоминает о крови. — Зачем мне обманывать? Я даю залог. Даю своего брата и коней везти раненых. Вас не будут загонять. Если захотим, договоримся. Отвечай — да. Сейчас отвечай.

Такие переговоры не затянуть. Лохмач молод, но не глуп, он не станет вертеть круг без точила, и он торопится: Скадария не должна помешать вывезти добычу, а добыча будет у брода уже скоро.

— Не можешь решить сам, иди назад. Быстро. Пусть решит старый вождь, но решит, пока солнце здесь.

— Нет. — Вот так, спокойно и коротко, но скерат не договорил. Он готовился, он думал... Начал с обещаний, теперь в ход пойдут угрозы.

— Завтра снова будем вас убивать. — Светлые наглые глаза, светлые лохмы, прямой нос... Не зверь, не урод даже в своих лентах. Обрей и отмой — будет человек как человек...

— Ты не отвечаешь, пахарь.

— Я слушаю.

— Слушай. Завтра я снова буду давать вам жизнь, но свободы уже не дам. Снова будете глупыми — все на своем холме сдохнете.

— Время решит, кому сдохнуть раньше.

— Я — Артайт, сын Банурта. Я возьму вашу крепость и перережу глотку вашему трусливому вождю, как барану. Я выгоню из-за стен глупых пахарей и запрягу в телеги. Я...

Значит, Артайт... Тит зевнул. Это было оскорблением, хоть и случайным — младший трибун в самом деле устал до невозможности.

— Запряжешь? — Дипломатии здесь места нет, но и площадной перебранки не будет. — Лучше выпей Перонт. Это проще.

Стоявший за плечом Мезий одобрительно крикнул, а Спентад повернулся и мерным шагом легионера пошел к болтавшейся на стене веревке. Стрелы в спину он не опасался, зато предстоящий подъем казался кошмаром.

II

Конец ночи ознаменовался переполохом. Судя по громкому многоголосому ржанию, конскому топоту, гаму и суматохе в скератском лагере, один из табунов взбесился и помчался прямо на шатры. Велики ли были потери, из крепости понять не удалось, но на штурм в тот день кочевники не пошли.

Зато пошли на следующий, и день этот стал самым жестоким из всех. Шесть раз

степняки, буквально засыпая стрелами стены, лезли вверх, шесть раз их сбрасывали. Последний приступ мог кончиться плохо. Очень. Спасла резервная полусотня, которую Приск повел в бой лично. Скадария устояла благодаря коменданту и наступившей темноте — скераты не решились на штурм без поддержки лучников, а штурм этот мог оказаться успешным. Не оказался.

Титу снова повезло. Стрела ударила в кладку возле самой щеки, стрела сломалась о нагрудник, стрела отскочила от подбородника шлема, стрела впиалась в глаз стоящему рядом мечнику, а Спентад мог жаловаться разве что на ломоту в уставших костях и на нехватку людей на «своей» стене. Последнее было бессмысленно: Приск и так знал о потерях, знали это и уцелевшие офицеры. Все шестеро, считая натершего ноги Фертара и двоих раненых, вернувшихся на стены в разгар свалки.

— Сенат бы сюда! — проворчал Мезий, после «переговоров» ставший помощником Тита, в свою очередь ставшего помощником коменданта. Первым — Сервий погиб, и его утащили за конюшни вместе с доброй сотней солдат. К ночи на ногах осталось меньше половины гарнизона, три из пяти камнеметов были разрушены, а оба уцелевших без толку торчали на приречной стене. Смола кончалась, запас стрел можно было растянуть на пару дней, но одними стрелами жив не будешь...

— Сенат, говоришь? — Тит представил значительные морды и роскошные тоги на песчаниковых стенах и не плюнул лишь потому, что устал. — Меняю Сенат на солдат... Еще один такой день — и все. Драться будет некому.

— Если б мы могли обрушить Скадарию на головы скератам, как титаны обрушили Стурнон! — завел свою песню Фертар. — Наша смерть стала бы победой, и даже враги склонились бы перед нами...

Поэт был и оставался придурком, но меч держать, как оказалось, умел, а под стрелами и вовсе расхаживал, как под дождем. Нарывался Фертар, а стрела досталась Сервию. Так бывает... Смерть брезгует дураками, а Жизнь, утешая, отдает младшей сестре лучшее. То есть лучших.

— Мы не последние в Стурне, — заткнул расходившегося болвана Тит. — И мы здесь не для красоты подышаем и даже не скератов режем... Мы держим брод, вот и все.

И удержим!

Последнее можно было и не говорить. Последнее не следовало говорить. Это Фертар с его набитой сказками башкой считает, что крепости и царства спасают красивые слова и красивые смерти. Чушь! Их спасают люди, и люди эти должны быть живы, на ногах и знать свое дело... И они должны хотеть спасать свою крепость, свой город, свою империю, так хотеть, чтобы все остальное сделалось неважным.

— Удержим... не удержим... — Приск заговорил, словно черту подвел. — Время рассудит... Но завтра к ночи скераты будут за стенами, а мы — на стенах.

* * *

Утро началось как обычно: проснулись, размялись, позавтракали, еще в полутьме разошлись доделать неотложное. У скератов в лагере гасли костры, ветер доносил обычный деловитый гул — степняки тоже занимались обыденным. Не поешь как следует — не повоюешь...

Время было: в крепости уже разобрались, как скераты готовятся к штурму. Оставшиеся минуты Тит потратил на письмо отцу, вернее, на завешание. Он писал для очистки совести, понимая, что запечатанный фамильным перстнем свиток вряд ли доберется до берегов Стурна, и все же долг есть долг, а злость есть злость.

«Если ты прочтешь это письмо, знай, что я умер за Стурн, но не за дураков, обескровивших восточный рубеж. Я хочу, чтоб за наши смерти спросили не с «лохмачей», а с Сената и императора. Я хочу, чтобы спросил ты. Свой долг младший трибун Спентад

исполнил, исполни и ты, сенатор и отец младшего трибуна. Прощай. Сын».

Свиток лег на стол, на видное место, рядом легло запечатавшее его кольцо. Тит выпил воды и покинул казарму, почти не сомневаясь, что навсегда. Рога скератов уже собирали воинов, горны Скадарию молчали, все всё знали и так. И свое место, и свой долг.

Они столкнулись на лестнице — сын сенатора и сын заговорщика. Пальцы Аппия тоже были в чернилах, но Аппий мог писать и стихи. Не здороваясь и не разговаривая, двое поднялись на стену. Роса еще не высохла, но небо стало совсем светлым, выкатилось солнце. Скоро полезут.

Тит дал себе слово не суетиться и не выдержал — прошел вдоль обеих стен. Приск согнал наверх всех, кого мог. Здоровые вперемешку с ранеными, теми, что могли делать хоть что-то, обслуга, конюхи, поселяне, даже оба писца и старенький жрец... Как же безнадежно мало их было, а от лагеря скератов уже катилась темная визжащая волна.

Первыми под прикрытием больших плетеных щитов перли лучники. Сперва на Скадарию прольется свистящий ливень, потом Артайт бросит на стены воинов, и сегодня у него может получиться... Может... На последней отгроханной Агриппой арке начертано «Должен — значит, могу!», только «может» отнюдь не значит «будет». Степняки не пройдут и сегодня. Воздух вспороли первые стрелы. Началось.

Стук наконечника, впивающегося в поднятый щит, знакомый злобный свист у виска, короткий хрип за спиной, вой скератских рогов, гудение гонгов... Всё, двинулись к стенам, но обнажать меч рано, сейчас время стрелков и прашников. Скадарийских, да поможет им Смерть!

Гонг от шатра вождя теперь бил непрерывно, причем в два раза чаще, чем обычно. Артайт выполнял свою угрозу, Артайт торопился. Тит облизнул прокушенную вчера в горячке боя губу и шагнул к «своему» зубцу, готовясь рубить веревки. «Обычное дело»... В самом деле обычное.

— Трибун, что это с ними?

— С ними? — Спентад уставился на лупоглазого прашника. — Ты о че... Точно!

Подававшие голос с дальнего края лагеря рожки и рога воют непривычно и тревожно. Человеческая волна, уже готовая захлестнуть стены, замедляется, будто в нерешительности, и... откатывается. Не просто отступает, несется назад. Толстый парень из поселян судорожно сглатывает, опускает тяжеловатое для такого увальня копье, недоуменно вертит головой, а раненый десятник с жутким, наполовину багровым лицом расплывается в беззубой ухмылке:

— Тгибун, я бы так гванув, повучив ховофый пинок под зад!

Не может быть! Этого не может быть, но скераты бегут, удирают, улепетывают, несутся сломя голову назад, и в душе расправляет крылья дура-надежда.

— Иногда Время бывает к нам благосклонно, а, приятель?

— А то! — усмехается во весь изувеченный рот десятник, а надежда приобретает отчетливый, прямо-таки железный облик тяжелой имперской конницы, и конница эта атакует! Всадники на рысях выходят из-за западных холмов и разворачиваются «крыльями», охватывая скератский лагерь. Сигнальщики гордо вздымают свои «ульи»! Один... Второй... Пять! Почти два бинара!⁶ Хватит, чтобы втоптать в речной песок всех степняков до единого!

* * *

— Ха, а вохмачам-то без своих вофадок пгидется дгаться!

— Какое драться?! Сдурел с радости? Они же к броду сейчас рванут... К броду!

— Вевно... О, нафы пофли!

Конная масса, постепенно ускоряясь, движется вперед. Как же это красиво, Время

⁶ Тяжелая стурнийская конница делилась на бинары, в каждом из которых было две полутысячи всадников.

всемогущее, как же это красиво! Как прекрасен этот день, эта река, это поле, эта жизнь!

— Приказ коменданта! Стрелков — на приречную! Всех!!! Два десятка — к камнеметам!

— Приказ коменданта! Живо!!! Устроим вонючкам прощание!

— Приказ коменданта!

— Приказ...

— За мной!

Короткий взгляд на победно сверкающую в солнечных лучах лавину, и бегом по стене — Скадария еще не все сказала! Скераты бегут, и, естественно, бегут к броду. Не успевшим добраться ни до своих лошадей, ни до лагеря, не способным драться в поле в пешем строю, что им еще оставалось? Разве что кучка конных в центре пыталась сражаться, но судьба храбрецов была предreshена, да и не занимала она Тита. Пусть умирают как хотят, а вот беглецы... Дорога к спасению шла вдоль обрывистого склона холма, на котором высилась крепость, и Приск стогнал на приречную стену всех, кто был в силах натянуть лук или поднять камень.

Гарнизон Скадарии брал с врагов последнюю плату. Кровью. Оба уцелевших камнемета посылали один камень за другим в тех, кто добрался до реки и по шею в мутной быстрой воде пробивался к дальнему берегу. Метательные снаряды без жалости били по барахтающейся толпе, промахнуться было невозможно.

Плавали степняки скверно, сбитых с ног и уносимых течением можно было смело зачислять в покойники. Жаль, утопленники не доберутся до «грифов», но какие миноги будут этим летом в низовьях. Какие миноги...

— К коменданту! У ворот императорская конница...

— Камни несите, камни! — Командовавший камнеметом десятник чуть не выл.

— Небец ушастый, да хоть дрова тащите! Стрелки, гуще бить, гуще! — Приск — чудо чудное! — сорвал с головы шлем и не глядя отшвырнул. — Младший трибун Спентад, открыть ворота. Стрелки, гуще!..

* * *

Отпирая наглухо заваленные ворота, пришлось повозиться. По ту сторону ждали, весело покрикивая, затем створки со скрежетом распахнулись, давая дорогу незнакомому трибуну на рыжей кобыле. За спиной начальства пересмеивались кавалеристы, Тит на всякий случай поискал глазами Меданта, но кентавр, если и пристал к имперской коннице, вряд ли отказал себе в удовольствии как следует подраться. Тит вскинул руку.

— Скадария с радостью приветствует желанных гостей!

— Хвала Времени и великому Стурну! — Желанный гость широко улыбнулся. — Как вы провожаете нежеланных, мы видели. Трибун Авл. Третий Отрамский бинар легата Валюция.

— Младший трибун Спентад. Мы не ждали вас так рано.

— Приказ прокуратора. — Похоже, трибун Авл не улыбаться не мог. — Ускоренным маршем идти к Скадарии. Пошли. По дороге встретили конягу. Он уговорил легата поспешить, мол, больше декады вы не продержитесь.

Медант всегда знал, кто и когда сойдет с круга. Угадал и сейчас: до вечера они могли и не дотянуть, а дотянули бы, сколько б лежало у конюшен...

— Вы появились вовремя. Куда...

— Почему первыми — к нам? — Подоспевший Приск стоял у лестницы, и счастья на его лице не было. — Почему Скадария, а не Южная и не Нижняя? Или туда тоже пошли?

— Нет. Кроме нас, свободной конницы не осталось. Все отрамские бинары заняты внутри провинции. Двадцать тысяч скератов — это...

— Я знаю, что это такое. Какой приказ вы получили?

— Отбросить степняков от брода, оставить в Скадарии припасов и две сотни конных лучников, после чего двигаться к Южной. — Авл больше не улыбался. — Если дождутся, значит, Время к ним милостиво.

— Вряд ли успеете, — каркнул комендант и ушел. Просто ушел, устало загребая ногами, и Тит вспомнил, что Приск командовал Южной. Стены там были ниже, а гарнизон меньше, но конница первой выручила Скадарию, и благородный Спентад понимал почему.

— Приск служил в Южной. — А ведь Нумма упоминал, точно упоминал, сколько комендантских лет забрала крепость, на перестройку которой так и не нашлось средств! — Долго служил... Я хотел спросить о Меданте. О кентавре.

— Ваш коняга передал что хотел и умчался. Сказал, что ночью погуляет у скератов.

— Он не вернулся?

— Нет.

Вот тебе и ответ, что за шум был ночью у лохмачей. Это «гулял» Медант, так гулял, что Артайту стало не до штурма. Целый день передышки... Не будь его, Приск вряд ли успел бы пожалеть о Южной.

— Может, он еще найдется. Коняги, они живучие.

— Да, конечно... Мезий, позаботься о наших спасителях. Мне нужно доложить коменданту.

Ничего ему не нужно, только постоять на странно пустой стене и отдышаться. Медант не вернется, а гарнизон Южной умрет, потому что в крепости не нашлось столичной цацы, за которую прокуратор «отвечает» перед друзьями-сенаторами. Гарнизон Южной умрет, чтобы в империи было спокойно, а империя так и не узнает. То есть узнают родичи, у кого они есть, узнает начальство, а остальные будут жить, как жили. Разве что в харчевнях станут больше болтать про глупых степных варваров. Или, наоборот, про страшных, но все равно побежденных великим Октавианом и еще более великим Агриппой, ведь правящий император всегда велик...

Тит наклонился, поднял обломанное перо. От стрелы. Перья, несущие смерть, перья, которыми сподобившиеся грамоте пишут... Гусю все равно, зачем его ощипали. Захотелось немедленно пройти в опустевшую комнатушку, разорвать ставшее глупым и напыщенным письмо и вместо него написать императору... Не доклад, не оду и не сатиру, а два слова. Два грубых слова из арсенала неотесанного коменданта захолустной крепости.

— Небец ушастый, чего сюда забрался?

— Думаю...

— Вот и я думаю. Конец Южной, а мы б день продержались, а может, и все два. Дурак прокуратор.

— Не дурак. Политик.

— Значит, сволочь. Ладно, пойдем, люди ждут. И вот что. Не надо при них о Южной, они не виноваты, что живы. И ты не виноват.

— Приказ коменданта. — Ни слова о Южной. Здесь и сейчас ни слова, но не завтра и не в Сенате.

Тит не думал, что сумеет улыбнуться, но сумел. Сумеет и больше. «Должен — значит, можешь», а он должен. Приску, Сервию, Меданту, парням из Южной, трибуну Авлу, даже Нумме с его померанцами, даже болвану Аппию. И только императору и Сенату Тит Спентад-младший отныне не должен ничего. *Ни-че-го.*